

КАРАМЗИНСКАЯ ИСТОРИЯ И «ИСТОРИЯ» КАРАМЗИНА

А.К. Гуц

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, кафедра кибернетики
644077, Омск, пр. Мира, 55а¹*

Получена 14 марта 2006 г.

A multivariant view of history is presented in this article. The true historical past does not exist. The Past is a result of quantum interfeeration of many parallel universes, i.e. is the Past of Multiverse.

Реальность существует для людей, у которых отсутствует воображение.

Артёмий Лебедев

В мае 1800 г. Карамзин пишет: «Я по уши влез в Русскую Историю...» До решения писать отечественную историю еще очень далеко; пожалование должностью историографа состоится лишь в октябре 1803 г.

Но что предшествовало этому? Думается, в это время Карамзин размышлял о том, что такое история и какой должна быть «История».

1. Год 1789. Карамзин слушает Канта

«...Смелость города берет— и мне отворились двери в кабинет его. Меня встретил маленький, худенький старичок, отменно белый и нежный. Первые слова мои были: "Я русский дворянин, люблю великих мужей и желаю изъявить мое почтение Канту". Он тотчас попросил меня сесть, говоря: "Я писал такое, что не может нравиться всем; не многие любят метафизические тонкости".

С полчаса говорили мы о разных вещах: о путешествиях, о Китае, об открытии новых земель... Потом я, не без скачка, обратил разговор на природу и нравственность человека²; и вот что мог удержать в памяти из его рассуждений: "Помышляя о тех услаждениях, которые я имел в жизни, не чувствую теперь удовольствия, но, представляя себе те случаи, где действовал сообразно с *законом нравственным*, начертанным у меня в сердце, радуюсь. Говорю о *нравственном законе*; назовем его совестью, чувством добра и зла — но они есть. Я солгал, никто не знает лжи

моей, но мне стыдно..."

Почтенный муж! Прости, если в сих строках обезобразил я мысли твои!» [1, с. 52–53].

Можно после этих строк предположить, что Карамзин попытался оставить нам «Историю» в таком виде, в которой не должно было быть лжи. Сделать это было невероятно трудно, поскольку источники, доставшиеся Карамзину, не способствовали установлению «истины». Должно было изобрести прием, который не позволил бы потомкам обвинить историка во лжи, пусть и непреднамеренной.

Один из таких приемов состоит в написании предисловия или введения, в котором излагаются, например, взгляды автора на исторический процесс. Другими словами, Карамзин должен был воспользоваться некоторой философией, или, как тогда говорили, обратиться к метафизике. В таком случае он вынужден был бы либо построить свою философскую систему, что вряд ли было его стезей, либо опереться на известную, созданную другим человеком.

Существует мнение, что «... "метафизика", сложное философское введение, постоянное разъяснение причин и следствий отменяются Карамзиным сознательно» [2, с. 75]. Почему Карамзин остерегался «метафизики» — вопрос особый; его разрешение связано с необходимостью ознакомиться с теми «метафизиками», которые его окружали, будучи представленными на книжных полках. При этом скорее всего модные философии занимали более почетное место и имели более солидные переплеты.

Скепсис Карамзина к метафизике становится понятнее, если прочитать, что влиятельный в то время философ Шарль Бонне «построил "лест-

¹ e-mail: guts@univer.omsk.su

² Как видим, Карамзин был знаком с работами Канта.

ницу существ¹¹ — от неорганических взглядов тел до ангелов и бога». Отсюда, возможно, и вытекают слова Карамзина об идеях Бонне: «Все это философично, глубокомысленно, хорошо согласуемо и могло бы так и быть на самом деле, если бы господь бог при сотворении мира руководствовался философией достопочтенного Боннета; но чтоб это было так на самом деле, — я не верю» [1, с. 525].

2. Как выглядит многовариантный мир?

Какую «Историю» боялся написать Карамзин, знакомый с «метафизическими тонкостями»? Наверное, он боялся написать единственную «Историю Российского государства», подобно тому, как его современники-философы, создавая свои философские системы, считали их единственно истинными.

Возможно, Карамзин мыслил следующим образом: истинна та история, которую творит Господь Бог, а писать человеку свою единственную и подлинную историю можно, но это означало бы, что такой автор уподобляется достопочтенному Боннету, в творении которого все хорошо согласуемо, но вряд ли это то, чему следовал Господь Бог.

Итак, история не единственна? Что под этим понимается? Прежде всего в ней не все должно быть хорошо согласовано. В ней должны быть противоречия. Метафизика с противоречиями? К чему это ведет?

Наш современник Макс Фрай, иронизируя над книгами А.Т. Фоменко, пишет по этому поводу: «Историй должно быть много, хороших и разных, желательно обоснованных и аргументированных (этому у Фоменко можно поучиться!). Чем больше историй появится у мира, в котором мы живем, — тем лучше: рано или поздно мы запутаемся в потоке противоречивых версий, окончательно перестанем понимать, где нас угораздило родиться, и станем, в каком-то смысле, людьми без прошлого — увлекательная перспектива!»

Карамзин, остерегаясь тех многих, кто не любит метафизических тонкостей, подобно предшественникам, стал писать «Историю», т. е. *одну* историю Российского государства, но все *прочие* Истории Российского государства он поместил рядом, в одном переплете с Историей, которую воспринимают все как единственно реальную. Речь идет о многочисленных примечаниях («нотичах»). Их более 5000! Они составляют $\frac{2}{3}$ от полного объема сочинения Карамзина.

Таким образом, Карамзин не свел прошлое своего народа к одной единственной Истории; он

дал нам одну, в которой все «хорошо согласуемо», но вместе с тем лишил критика, имеющего дело с *полной* карамзинской «Историей», состоящей из, как можно сказать в наши дни, традиционной истории и множества «нотич», возможности заявить: «Но чтоб это было так на самом деле — я не верю!» Ведь многовариантность содержит в себе ответы на все возможные наскоки критики.

Карамзинская «История» непротиворечива в одном, известном всем варианте, часто издаваемом в виде 4-томника, т. е. без примечаний, и запутанна, противоречива в своей основе — в нотичах, которые скрывают в себе все остальные варианты прошлого русского народа.

3. Был ли у Карамзина материал для различных вариантов «Истории»?

Материал Карамзину поставляли специально отряженные для этого люди: «В архив он, конечно, ходил, но не слишком часто: искали, отбирали, доставляли старинные манускрипты прямо на стол историографу несколько специальных сотрудников, возглавляемых начальником Московского архива Министерства иностранных дел и великолепным знатоком древностей Алексеем Федоровичем Малиновским. . . Среди работавших на Карамзина (с самого начала и позже) несколько будущих замечательных ученых, например, Строев, Калайдович. . .» [2, с. 55].

На основе документов, попавших к нему, Карамзин написал, как считается, «Историю», т. е. историю России в единственном варианте, убрав несуразности из «историй» Татищева и других предшественников, и которая практически сохраняется до наших дней. Так ли это? Если убрать «нотичи», то получится 4-томная «История». Ее то и читали и читают с восторгом любители истории. Но Карамзин написал «Историю» в 12-ти томах! Что же содержится в «нотичах»? И тут-то самое интересное. Карамзин приводит множество фактов и цитат, которые никак не вписываются в традиционный классический вариант как русской, так и всемирной истории.

Прежде, чем идти дальше, приведем некоторые из этих странных «нотич».

1. «Д'Анвиль пишет, что в начале V века *татарский* князь, именем Тулун или Турун, первым назвался каганом, или ханом» [3, т. 1, с. 320, прим. 87]. Какие еще татары в V в.?

2. Н.М. Карамзин красочно (по западным источникам) описывает период прихода к власти Темучина (будущее имя — Чингисхан). Все монгольские и татарские начальники, кроме хана Керайтского, подчиняются ему. Судьба этого хана

печальная: он «лишился головы, и череп его, окоченный серебром, был в Татарии памятником Темучинова гнева» [3, т. 3, с. 125]. Тут Карамзин делает «ноту»: «Дегин пишет. . . что сей татарский хан, обращенный в христианство несторианскими миссионерами, был тот священник или царь Иоанн, который вел переписку с попами и государями европейскими. . . Между бумагами, полученными мною из Кенигсбергского архива, находятся два письма великого магистра немецкого, Конрада фон Юнгингена, от 20 января 1407 года к королям Армении и Абассионскому или священнику Иоанну (Regi Abassiae sive Presbitero Iohanni). Здесь Abassia означает не Абиссинию, но Кавказскую Абазу или Авхазию. Вот новое открытие для темной сказки о священнике Иоанне» [3, т. 3, с. 285, прим. 282].

Обратите внимание, Темучин еще в начале своих дел; он еще в Монголии, и тут же с ним конфликтует татарский хан из Абхазии, с Кавказа! Так где тогда располагается Монголия? Карамзин не комментирует, но употребляет слова «новое открытие».

3. В перечне земель, завоеванных Тимуром, читаем: «. . . Чагадай, Хорустани, Голустани, *Китай* (курсив Карамзина. — А.Г.), Синяя Орда. . . » [3, т. 5, с. 290, прим. 150]. Разве Тимур был в Китае? Или данный Китай совсем не современный Китай! Надо понимать, что в Китае жили китаи (китайцы). Кто они? Например, посол Иоанна III и новгородский наместник боярин Василий *Китай* [3, т. 6, с. 49] и государев писец Дмитрий *Китаев* [3, т. 6, с. 240, прим. 201]. Это китайцы «послемонгольского периода». Нетрудно найти у Карамзина и «главного китайца» «домонгольского периода»: «В Синописе сказано, что сей князь, названный Боголюбским за его любовь к Богу, до крещения своего именовался *Китаем* (курсив Карамзина. — А.Г.)» [3, т. 3, с. 169, прим. 26]. Так что очень важный китаец нам теперь известен, и это великий князь Андрей Боголюбский. Похоже, и Китай где-то в пределах Восточной Европы. Во всяком случае, обнаруживается след «великой китайской стены». . . на Кавказе: «Хозрой, царь персидский, должен был заградить от них (хазар. — А.Г.) свои области огромной стеною, славною в летописях под именем Кавказской. . . » [3, т. 1, с. 165]. «Петр Первый и храброе войско его, взявшее Дербент, с удивлением видели остатки сей стены, проведенной чрез горы и пустыни от Каспийского моря к Черному» [3, т. 1, с. 320, прим. 86].

Историки, пытаясь как-то справиться с названием Китай-город, решили, что это Юрий Долгорукий «дал имя Китая, ибо так прозывался сын его Андрей. . . » [3, т. 1, с. 331, прим. 301]. Так что князь Андрей китаец от рождения.

Еще интереснее «нота»-выписка из «Сибирской истории» Фишера: «Татары, турки и россияне называют империю Хинскую Китаем по имени народа татарского, китаев или китанов, владевших ее северной частию в X в., но истребленных во XII столетии татарами ниучами, покорившими сию же часть Китая. Ушедши в Малую Бухарию, китаны основали там особенную державу, названную Кара-Китай, или Черный Китай, для отличия от их прежней восточной страны» [3, т. 3, с. 285, прим. 285]. Карамзин делает эту «ноту» для того, чтобы пояснить читателю слово «Китай» в рассказе о Чингисхане, и не делает никаких пояснений. Их трудно давать, поскольку получается, что князь Андрей Боголюбский получил имя Китай за «связь с китанами».

4. «По сем же татарове начаша руси кликати: вы кто есте? Они же отвещаша: москвичи. . . А вы кто есте? Мы из *черкас*» [3, т. 5, с. 378, прим. 342]. Черкасы — это, как известно, казаки. Выходит, что татары в XV в. всего лишь общее название для некоторой особой военизированной части населения на территории России.

5. «Тъгдажь бяше пришел преж изгнания Митрофана Добрына Ядренковиць из Царьграда, привезе с собой *гроб Господень* (разве частицу его?) . . . » [3, т. 3, с. 232, прим. 153]. Как видим, гроб Господень находился в Царьграде, т. е. Стамбуле, а не там, где сейчас Иерусалим. Карамзину трудно вынести такое сообщение, и он в растерянности предполагает, что в Царьграде лишь частица гроба. . . Кстати, о том, что распятие Христа и его захоронение происходили в Константинополе, пишут Г.В. Носовский и А.Т. Фоменко [4].

6. Мы узнаем, что Иоанн III именовался Тимофеем Грозным [3, т. 6, с. 295, прим. 588]. Так что, Иван Васильевич Грозный — это и Иоанн III, он же Тимофей Грозный, и Иоанн IV, он же. . .

7. «Имя Золотой Орды находится в Большом Чертеже, а в летописях его нет» [3, т. 5, с. 227, прим. 17].

Оборвем список «несуразностей» и «противоречий», которые содержатся в notiцах Карамзина. Их превеликое множество. Для нас главное сейчас — это констатация, что невозможна Всемирная История без противоречий. Не стоит тратить силы, повторяя вновь и вновь то, что не работает, а именно: хватит сваливать объективную противоречивость на субъективный фактор (мол, сколько историков, столько и мнений).

Всемирная история описывается в рамках неклассической интуиционистской логики, а это, как показала, например, семантика Крипке, влечет существование множества ее классических вариантов. История многовариантна!

4. Постоккамовская историческая наука

Многовариантная история для своего понимания требует обратиться к метафизике со всеми ее тонкостями, многие из которых не приемлет классическая наука.

Как известно, основные принципы классической науки заложены Оккамом, Аристотелем, Декартом, Бэконом, Локком, Лейбницем.

Что это за принципы? Перечислим основные:

1. Не порождай сущностей сверх необходимого, довольствуйся самым простым объяснением наблюдаемого явления (бритва Оккама).
2. Не должно быть двух взаимопротивоположных утверждений в научной теории (закон непротиворечия Аристотеля).
3. Справедливо либо утверждение *A*, либо его отрицание (закон исключенного третьего Аристотеля).
4. Подвергай все сомнению, если желаешь построить верную теорию; ничего нельзя принимать на веру (Декарт).
5. Любое утверждение, для того чтобы быть принято, должно основываться на тех, что установлены ранее (закон достаточного основания Лейбница).
6. Наука имеет дело только с теми явлениями, которые либо повторяются, либо воспроизводимы в лабораториях (Бэкон, Локк).

Как видим, многовариантная история никоим образом не согласуется ни с принципом Оккама, ни с законом исключенного третьего Аристотеля. Иначе говоря, мы должны войти в мир метафизических тонкостей, например таких, которые порождает эвереттовская интерпретация квантовой механики (параллельные миры), и всегда помнить о третьей возможности.

Развернувшаяся в последние десятилетия критика традиционной истории — это всего лишь сигнал для исследователей, говорящий о том, что для описания Всемирной истории необходимо совершить переход к более сложным объяснениям вместо простых, базирующихся на двузначной логике Аристотеля. То, что для Аристотеля было лучшим из того, что имеется³, отнюдь не обязано быть таковым через сотни лет.

³Слово *аристос* в переводе с древнегреческого приблизительно означает «лучшее в данных обстоятельствах». Неужели так прозорливы были родители Аристотеля, назвав того, кто напишет лучшую метафизику, физику и т.д., по сравнению с тем, что было до него? Боюсь, Аристотель всего лишь Бурбаки свой эпохи.

История как наука не может втиснуться в рамки классических принципов построения научной теории. Исторический процесс разворачивается во времени, а законы времени гораздо более сложные, чем это мыслилось не только в эпоху Ньютона, когда формировалась современная традиционная хронология⁴, но даже в эпоху Эйнштейна [5; 6].

Неклассическая постоккамовская историческая наука в таком случае легко сможет объяснить, как на поле, копанном-перекопанном и сохой, и плугом с лошадкой, и плугом с трактором, вдруг на глубине вспашки обнаруживается горшок, набитый странной монетой, именуемой севским чехом [7].

-
- [1] Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М., 1988.
 - [2] Эйдельман Н. Последний летописец. М., 1983.
 - [3] Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: В 18 т. М., 1998–1999.
 - [4] Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Реконструкция Всеобщей истории. Новая хронология. М., 1999.
 - [5] Гуц А.К. Многовариантная история России. М., 2001. 381 с.
 - [6] Гуц А.К. Элементы теории времени. Омск, 2004. 364 с.
 - [7] Кемист Ю. Севский чех. Кострома, 2003. 560 с.

⁴Карамзин, разглядывая монумент на могиле Ньютона, видит книги, на которые опирается полулежащий великий англичанин, и читает заглавия на них: «Божество», «Оптика», «Хронология» [1, с. 490].